

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 521

Рисунок на переплете и фронтисписе
Е. Никольской
Иллюстрации **Е. Метлиновой**

Эльденберт М.
Э53 Заклятая невеста: Роман/Ил. Е. Метлиновой. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 410 с.: ил. —
(Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3047-5

С чего начинается история девушки? С первого взгляда, неловкого касания пальцев, нежного поцелуя. С чего начинается история женщины? Со свадебных колоколов и нового дома, куда муж вносит ее на руках. Моя история началась в тот день, когда меня из собственной спальни похитили в другой мир...

Аурихэйм — мир из легенд и сказок. Мир, наполненный магией столь могущественной, что сложно даже представить, насколько силен его повелитель. Мне довелось стать его невестой, и все, что я могу сказать — сказки лгут. Не лжет только сердце, но даже ему я сейчас боюсь верить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3047-5

ПРОЛОГ

— Леди Лавиния! Ваш муж... он...

Судя по тому, как Элизабет прижимала руки к пылающим щекам, случиться могло все что угодно, поэтому я поспешно вскочила.

— Что? Где он?

— Милорд... виконт Эрден, он...

Лицо моей камеристки пошло красными пятнами, и я повысила голос:

— Что с ним?!

— Он с мисс Роунс, в своей комнате. Они... они там... Я готовила вам ванну, а когда возвращалась, услышала звуки и...

— Достаточно.

Элизабет, готовую вот-вот упасть в обморок, я усадила на кушетку в изножье кровати, она снова прижала ладони к щекам, словно пытаясь стереть с них краску.

— Жди здесь, — сказала я. — И никому ни слова. Понятно?

— Но, миледи... — Элизабет начала было подниматься, но я уронила ее обратно.

Взглядом.

Некоторые наивные полагают, что я суший цветочек, и виной тому — моя светлая магия, магия жизни. Вот только к цветочку прилагается девичья фамилия Биго, фамилия моего брата, герцога и правой руки королевы, а это уже о чем-то да говорит. Преимущественно тем, кто умеет слушать.

Майкл, судя по всему, не умеет.

Камеристка кивнула, а я расправила плечи и вышла в коридор. В этом доме, доме моего мужа виконта Эрдена, мне знакома каждая половица и каждый поворот. Я могу пройти с закрытыми глазами и ни разу не оступиться до самой лестницы, затем спуститься вниз и то же самое повторить на первом эта-

же, вот только сейчас на первый этаж мне не надо. Комната мужа располагалась в конце коридора, и расстояние до нее я преодолела, как полагается истинной леди, — расправив плечи и не спеша.

У двери остановилась и постучала.

Громко.

В комнате раздался судорожный вздох, потом что-то упало, и сразу после этого я вошла.

Картина, представшая передо мной, была достойна дешевого трагифарса: прижимая платье к груди, на меня таращилась наша новая горничная, миловидная блондинка с пухлыми чувственными губами, а муж пытался застегнуть рубашку, но то и дело промахивался мимо петель.

— Всевидящий! — выразительно сказала я.

Глаза у горничной стали еще больше.

— Майкл! — воскликнула она.

— Мисс Роунс. — Я повернулась к ней. — Вон. Из этого дома.

— Вы... вы не имеете права меня увольнять! — пискнула она, пытаясь завернуться в платье и при этом не оголеть грудь. — Меня нанимал ваш муж.

— Лавиния, дорогая...

— Вон, — повторила я, и, подчиняясь легкому движению моей руки, из кадки с цветком во все стороны брызнула земля.

Массивный корень, окутанный дымкой, взвился в воздух и хлестнул пол рядом с горничной. С диким визгом, рискуя запутаться в платье, она вылетела за дверь так быстро, что забыла ее закрыть.

Удаляющийся топот, тишина.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнул Майкл.

Роста в нем было около шести футов, но казалось, что едва ли пять с половиной, из-за того что виконт постоянно сутулился. Когда-то я была безумно влюблена в красивого молодого человека, в образ, которого никогда не существовало. Сейчас от этой влюбленности осталось только горькое послевкусие разочарования, с которым я временами справлялась.

А временами не очень.

Вот как сейчас.

— Повторяю! — Майкл повысил голос и, грозно сдвинув брови, шагнул ко мне. — Какое право вы имеете врыватья в мою спальню без разрешения, миледи?! То, что ваш брат...

Не дослушав, я повела рукой, и корень запечатал дверь, после чего метнулся в сторону мужа. В ту же минуту на подмогу ему пришел второй — с другой стороны. Спеленав запястья виконта растительными браслетами, я подбросила его магией в воздух и позволила приземлиться на кровать, прочно фиксируя корешками, чтобы не дергался.

Впрочем, Майкл все равно пытался.

— Вы... вы... — пропыхтел он, брыкаясь и извиваясь. — Вы пожалеете, я все еще ваш муж, я... я позову на помощь и...

— Будьте добры, — язвительно заметила я. — Могу даже открыть дверь, чтобы ваши крики слышали все слуги и сбежались на вас посмотреть. Хотите?

— Вы чудовище! — выпалил Майкл, но дергаться перестал. Только глазами метал в меня молнии.

Безуспешно.

— Кстати о том, что вы мой муж. Завтра же я потребую развода, и вы его мне дадите.

Глаза у Майкла стали просто огромными.

— Нет!

— Да, — подтвердила я. И для верности потуже затянула корешки.

Муж взвыл.

— Мы же договаривались!

— Мы договаривались, что не станем друг друга позорить, — сказала я. — Но ваше поведение, милорд, уже выходит за всякие рамки, поэтому нашей договоренности пришел конец.

— Это вы во всем виноваты! — выпалил он. — Вы, вы, вы, и только вы! Да мне находиться под одной крышей с вами страшно, после того как вы чуть не...

Я запечатала ему рот третьим корнем.

— Не смейте, — сказала тихо, хотя меня потрянуло от сердца до кончиков пальцев. — Не смейте мне напоминать о том, что случилось в оранжерее, или, клянусь матерью, я оторву вам то, что вам от природы не нужно!

— У-у-у! — произнес Майкл, покрываясь от гнева красными пятнами.

— Итак, вы дадите мне развод и не станете препятствовать...

— У-у-у...

Я убрала корень.

— И не станете возражать, — подвела итог я.

— А если нет? — поинтересовался супруг, отплеываясь от земли и раздувая ноздри.

Я подперла пальчиками подбородок.

— Хм... А если нет, то все узнают о вашей маленькой проблеме.

— Вы... вы этого не сделаете. — С лица мужа сошли все краски, в том числе и природная, белизной кожи он сейчас напоминал простыню, на которой лежал.

— Еще как сделаю, — мило ответила я. — Ведь я чудовище, Майкл. Вы сами это сказали.

Не дожидаясь ответа, развернулась и направилась к дверям.

— Вы покроете позором свою семью и своего брата! — завопили мне в спину. — На вас больше никто никогда не женится!

Напугал.

Я замужем до конца своих дней нажилась, так что спасибо, не надо.

— Лавиния! — взвыл Майкл, когда я уже взялась за ручку. — Лавиния, вы ведь не оставите меня так на всю ночь? Лавиния!

Из захвата укрепленных магией корней вырваться невозможно, поэтому я обернулась.

— Разумеется, — сказала негромко. И добавила: — Оставляю.

После чего вышла, плотно прикрыв за собой дверь в наше теперь уже совершенно точно прошлое.

Часть первая НЕБЕСТА

1

— Лавиния, я все-таки искренне надеюсь, что вы передумаете.

Жена моего брата, герцогиня де Мортен, или попросту Луиза, — это просто волчок в юбке. Волчок не в смысле, которым детей пугают, а тот, который детская игрушка. Странное сравнение пришло мне в голову, но в какой-то мере я всегда была странной. Во всяком случае, так говорили: как-то я общалась с псами на конюшне, а конюх это увидел. Глаза у него стали размером с два новехоньких антала, а матушка потом долго ругалась. Но она вообще была против любых проявлений моей магии, не говоря уже о таком сильном, как общение с животными.

Нет, их язык я не понимаю, разумеется, это идет на уровне чувств. Тем не менее я с ними все-таки разговариваю, как бы странно это ни звучало.

— Не передумаю, — уверенно заявила я.

С тех пор как мы с Майклом развелись, я вернулась в Мортенхэйм, замок брата, где я родилась, выросла и жила до тех пор, пока не произнесла брачную клятву. В моей комнате сейчас все по-другому, не так, как в детстве и юности. Обустраивать ее заново мне тоже помогала Луиза, и теперь это царство цветов (буквально, поскольку они даже на картинах и на обивке), света и вообще всего, что я собой, по мнению герцогини, воплощаю.

То есть жизни.

Кто же виноват, что настроение у меня не совсем цветочное, а под стать темной силе сестры, которая тоже давно замужем и живет в другой стране со своим действительно любимым мужем.

— Это же ваш день! — воскликнула Луиза, очевидно исчерпав оставшиеся аргументы. — И ваш юбилей.

— О, это страшное слово...

— Лавиния, вы меня пугаете.

— Не хочу напугать кого-нибудь еще.

— Лавиния!

— Луиза!

Я оторвалась от созерцания собственного отражения в зеркале: аристократично-бледное лицо, ярко-зеленые глаза, ставшая привычной прическа — чуть поднятые и аккуратными волнами уложенные волосы. Для своего возраста я выглядела слишком молодо, если не сказать больше: дебютантки рядом со мной слегка кисли и старались найти другую компанию, потому что я действительно выделялась среди своих ровесниц.

Причиной тому, кстати, тоже магия жизни: она делает меня похожей на девочку.

Хотя спустя неделю мне исполнится тридцать, и, когда я выходила замуж за Майкла (счастливая, влюбленная, юная), мне казалось, что в эти годы я уже буду старушкой.

— Послушайте, это просто невозможно! — Тряхнув непокорными рыжими кудрями, Луиза опустилась на диванчик, в обивке которого птицы с роскошным оперением соперничали с цветами за звание самого яркого пятна. — У меня ощущение, что я говорю с Терезой.

— Мы сестры, не забывайте, — заметила я.

— С Терезой, какой она была много лет назад, — язвительно заметила Луиза.

— О, — только и сказала я.

— Когда вы собирались на свой первый бал, помните?

Хотела бы я это забыть. Восторженная, полная надежд, именно на своем первом балу я встретила Майкла и больше уже не могла перестать о нем думать.

— Разумеется.

— Так вот. В то время я тоже тщетно пыталась ее убедить, что ей нужно выйти...

— Разве?

— Ладно, возможно, это было чуточку раньше, — махнула рукой Луиза. — Но, между прочим, на том балу Тереза встретила Анри.

Анри — муж сестры, он носит ее на руках в прямом и переносном смысле. Кстати, несмотря на негибемый характер

Терезы, именно он сумел с ней справиться и превратить нелюдскую и жесткую сестренку, некромага, во влюбленную женщину.

— Тогда я совершенно точно никуда не пойду.

— Р-р-р! — Луиза взвилась с диванчика. — Лавиния, вы совершенно невыносимы!

— Поэтому я и не хочу себя никуда выносить. А впрочем... — Я задумчиво посмотрела на нее. — У меня к вам есть деловое предложение.

— Неужели? — Луиза сложила руки на груди.

— Вы поговорите с моим братом и наконец перестанете его наказывать за ошибку, которую он совершил больше года назад.

Воинственность на ее лице уступила место привычной маске. Так случалось всегда, стоило мне заговорить с ней про Винсента, и тянулось это со дня их ссоры. Мой брат — политик, правая рука королевы, за много лет супружества не уловил одну простую истину. Луиза любит его больше всего на свете и готова отдать за него жизнь, но она не привыкла к его методам и целям, оправдывающим средства.

— Ваш брат сам себя наказал.

— Правда? — Я отзеркалила ее позу. — Винсент, конечно, поступил жестко, но он защищал семью. Вас в первую очередь.

— Мне кажется, этот разговор никуда не ведет, Лавиния.

— Мне тоже кажется, что мой бал никуда не ведет, — пожала плечами я. — Но я уступлю, если уступите вы. Итак?

— Вы уверены, что, помимо магии, Винсент не учил вас политике? — поинтересовалась Луиза.

— Политика — это скучно.

— Очевидно, не для вас, — пробормотала она. Закусив губу, прошла по комнате, и ее сиреневое платье с турнюром (самое невыносимое изобретение, да простит меня его создательница) зашуршало.

Пока Луиза справлялась с моим предложением, я размышляла о том, что делать дальше. По большому счету она права: мне стоит устроить бал и выйти в свет. Хотя бы для того, чтобы не давать еще больше поводов для сплетен.

Так уж повелось, что в Энгерии, стране, где правит женщина, все остальные женщины самым непостижимым образом превращаются в приложение к мужу. Да что говорить, нам даже магией запрещали заниматься, из-за чего у большинства из нас со временем выродились способности. Винсент и Тере-

за учили меня, когда матушка не видела, иначе я бы сейчас тоже не могла отличить плетение закрывающее от раскрывающего, а вместо магии жизни знала бы только, как вышивать и музицировать.

Кстати, как вышивать и музицировать я тоже знаю, об этом позаботилась матушка. Вот и получается, что я вся из себя такая примерная леди... была.

До того как подала на развод.

Развод, особенно когда его просит женщина, в высшем свете Энгерии не просто моветон, а ужас, кошмар и вообще колодец глубиной в сотню футов. В смысле осмелившуюся просить развода женщину надо посадить в такой колодец, чтобы другим неповадно было.

Что делать, если муж изменяет?

Терпеть, разумеется. Терпеть и сносить все безропотно, чтобы не опозорить ни себя, ни его.

Вот так и получается, что годы идут, в ходу уже бытовая магия с артефактами, совместившая в себе науку и технику, а нравы остаются на уровне, да простит меня Всевидящий, времен, когда наши предки из домагической эпохи дубинами загоняли возлюбленных в пещеры. Опять же чтобы неповадно было высовываться, глядишь, зверь какой нападет, а так ты под защитой. Сиди расти детишек и за варевом следи. Внимательно.

А если что, дубина она тут как тут.

Как бы там ни было, мне остается только показать обществу, что я не собираюсь прятаться всю оставшуюся жизнь либо провести остаток своих дней в Мортенхэйме, музицируя и вышивая, вышивая и музицируя.

Всевидящий, какой ужас.

Словом, пока Луиза мерила шагами мою цветочную обитель, я уже почти все решила, но говорить ей об этом, разумеется, не собиралась. Исключительно потому, что хотела для них с Винсентом всего самого лучшего. Они были одной из тех пар, которые, презрев условности общества, действительно наслаждались друг другом.

Пока мой брат не совершил серьезную ошибку.

Вот только ошибки совершают все, главное — желание их исправить. У Винсента желание было, но Луиза не давала ему такой возможности. Слишком сильно он ее зацепил.

— Ладно, — сдалась она, остановившись напротив меня. — Всего один разговор.

- Всего один, — подтвердила я, с трудом сдерживая улыбку.
- И вы не станете говорить Винсенту об этом заранее.
- А должна?

Луиза раскрыла ладонь.

— Но взамен, Лавиния, вы должны мне бал, где будете главной персоной. — Она загнула первый палец. Затем второй. — Устраивать его буду я. И третье: мы полностью обновим ваш гардероб на весну.

Выдав мне этот перечень требований, она вопросительно приподняла бровь.

Я только кивнула.

Думаю, если я смогла столько лет прожить с Майклом, бал, пристальное внимание и обновление гардероба я как-нибудь переживу.

2

Обычно мое рождение природа отмечала оттепелью, но в этот раз зима задержалась. Видимо, из солидарности с моим настроением: пасмурно-зимним, не желающим меня покидать. Мне такое совершенно несвойственно, но разводы случаются не каждый день, поэтому я его себе простила. Как и многое другое, например нежелание общаться с природой. Впрочем, природа тут была ни при чем, я не желала общаться ни с кем, поэтому бал в мою честь стал для меня своеобразным испытанием. Как и для тех, кто желал на нем побывать: густой снег заметал окрестности Мортенхэйма, а я стояла у окна и смотрела на белоснежную пелену, расстелившуюся за окном. Такая же погода была в тот вечер, когда случилось то, о чем я вспоминать не хотела.

— Лавиния, вы готовы?.. — Брат осекся, когда я обернулась на его голос. — Вы прекрасны.

— Вы всегда умели потрясающе льстить.

— Это не лесть, и вы об этом знаете. — Он приблизился, чтобы взять мою руку в свою и коснуться губами пальцев.

За последний год у него стало чуть больше морщин и седины: его личное солнышко больше не грело. Поэтому я позволила себе то, чего не делала уже очень давно, — слегка раскрылась, позволяя магии жизни коснуться его сердца.

Винсент укоризненно на меня посмотрел:

— Думали, я этого не почувствую?
— Попытаться я, по крайней мере, могла, — улыбнулась я. — Обойти своего брата, сильнее которого мага нет.

— Теперь вы льстите мне.

— Разве что самую чуточку.

Винсент действительно очень сильный маг, сильнее его в мире сейчас есть разве что один человек. Тот, из-за которого случилась их ссора с женой, но это к делу не относится. Брат владеет магией армалов, сильнейших магов в истории нашего мира, живших очень и очень давно. Он управляется с ней, как я — с корешками и котятами, и, честно говоря, мне бы не хотелось увидеть, какова она в бою.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я сопровождал вас на бал? — Брат взглянул в мое лицо.

— Совершенно. Не зря же вы пригласили леди Амалию Уайт.

Амалия Уайт, миловидная девушка, дочь провинциального виконта, знакомая Луизе через ее деда, приехала из Вайд-Хилл пару недель назад, чтобы стать моей компаньонкой. Это тоже была идея Луизы, и я не стала отказываться: во-первых, по переписке девушка мне понравилась, а во-вторых, я получила возможность выдернуть себя из мыслей о Майкле и внутренней стужи и стала ее проводницей в высший свет Энгерии.

— Леди Амалия... Да... — Брат вздохнул, словно собирался сказать что-то еще.

— Знаете, по-моему, вам пора к Луизе.

— Знаете, по-моему, это невежливо.

— Я же не сказала это в переполненном гостями бальном зале.

— А могли бы?

Не уверена. Воспитание, данное мне матушкой, вряд ли позволило бы. С другой стороны, оно вряд ли позволило бы мне развестись, но матушка об этом уже не узнает.

— Лавиния, — серьезно произнес Винсент, — вы можете на меня рассчитывать. Сейчас, сегодня...

— Всегда, — закончила я. — Вы мне это уже говорили.

— Разве?

— Раз десять, — сказала я и поправила шейный платок брата. — Вы тоже потрясающе выглядите, Винсент. А Луиза вас наверняка ждет.

— Я в этом не особо уверен.

— Можете быть уверены. Просто ей нужно время.
— Время? — Винсент усмехнулся. — Прошел уже год.
— Иногда нужно много времени, — философски заметила я. — И вообще, вы ее здорово тогда обидели.
— Она меня никогда не простит?
— Зависит от того, какие слова вы найдете на этот раз.
— Какие слова, Лавиния? Она меня знать не хочет, а прием мы проводим вместе исключительно потому, что этого требует этикет.

— Но все-таки вы постарайтесь, — сказала я, пряча улыбку.

Наша с Луизой договоренность не должна была раскрыться раньше времени, и если я сегодня постараюсь (а я постараюсь), плотина недопонимания будет наконец разрушена. Главное, все сделать осторожно и очень мягко, потому что Луиза, хоть и на «вы» с магией, о моей силе очень хорошо наслышана.

— Что ж, — вздохнул Винсент. — Я передам вашей камеристке, чтобы пригласила леди Амалию. Еще раз с рождением, сестренка.

— Еще раз спасибо, братец. — Я легонько коснулась губами его щеки и дождалась, пока за братом закроется дверь.

Приблизилась к зеркалу и коснулась кончиками пальцев мерцающих на груди изумрудов. Подарок брата вобрал в себя всю яркость светильников, и яркостью с камнями могла сравниться разве что трава на солнце.

К чести Винсента, он ни разу не упомянул о том, что был против нашего с Майклом брака. Ни в тот день, когда я пришла с новостями о разводе, ни за все время, пока шел процесс (к слову сказать, благодаря связям Винсента закончившийся гораздо быстрее и легче для меня, чем мог бы). Ни разу он не сказал, что неоднократно предупреждал о том, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. Поразительно, но против Майкла была вся моя семья, даже Луиза, которая обычно за свободу выбора.

Но я все равно выбрала его.

— Леди Лавиния!

Амалия впорхнула в комнаты, как бабочка: вся в голубом, со светлыми, перехваченными лентой волосами, на плечи накинут дымчатый шарф. Глядя на нее, я невольно почувствовала себя старой, несмотря на то что нас можно было принять за ровесниц.

— Мне передали, что вы готовы.

— Да, я готова, — кивнула и улыбнулась. — А ты готова танцевать весь вечер, Амалия?

— Скажете тоже, — смутилась девушка. — Кажется, моя бальная книжка не заполнится и наполовину.

За показной веселостью скрывалось самое что ни на есть настоящее волнение, глубокое и серьезное, поэтому я приблизилась к ней, окутывая теплом магии. Девушка сама не заметила, как расслабилась по-настоящему.

— Заполнится от первого и до последнего танца, — сказала я. — Вот увидишь.

И мы вместе вышли из комнаты.

Балы отличаются друг от друга лишь декорациями и платьями, красотой и расцветкой которых приглашенные стараются перещеголять друг друга. Даже Камилла Уитмор, с которой мне выпала честь (сомнительная, по правде говоря) беседовать еще до начала танцев. Они с мужем, лысым и пузатым графом, который от постоянного курения больше хрипел, чем говорил, прибыли одними из первых. Именно поэтому мы с Винсентом и Луизой (она — на правах устроительницы праздника, я — на правах именинницы) сейчас общались именно с ними.

— Вы чудесно выглядите, Лавиния, — произнесла Камилла после приветствия.

С тем же успехом можно было сказать: «У вас отвратительный вкус», но я уже привыкла к тому, что в высшем обществе взгляды и слова расходятся и так же далеки друг от друга, как пол и потолок бального зала. Кстати о потолке: он был украшен живыми цветами, равно как и весь зал. Поскольку меня не допускали сюда (сюрприз, сюрприз!), то сюрприз удался. Я в своем салатовом атласе с нежнейшим белым кружевом напоминала торчащий из лепестков бутон, которому вот-вот предстоит распуститься.

Вообще-то по статусу мне полагался более темный цвет, но я решила не загонять себя в рамки, а Луиза мое желание поддерживала. Правда, забыла сказать, что весь зал будет в лепесточках и зелени.

— Лавиния! — шепнула Луиза, ущипнув меня чуть повыше перчатки.

— Ах да. Спасибо, Камилла. — Я вернулась в реальность и безоблачно улыбнулась.

— Ну-с... чудесного вечера, — пробормотал граф. — Мы для вас приготовили особый подарок, так что готовьтесь.

Он подмигнул мне и после очередных расшаркиваний потащил недовольную таким поворотом дел жену к столу с пуншами и крюшонами. По традиции подарки именинникам вручали в конце вечера, после бала и праздничного ужина, но, зная чету Уитмор, я даже приблизительно не представляла, к чему готовиться.

— Мне кажется или вам что-то не нравится? — шепнула Луиза, пока к нам шли очередные приглашенные.

Я обратила внимание на то, как напряженно лежит ее рука на сгибе локтя Винсента.

— Нет, что вы. — Я улыбнулась, позволяя магии незаметно просочиться через легкое прикосновение.

Луиза сама не заметила, как расслабилась, и даже не отняла руки, когда Винсент накрыл ее ладонь. Брат грозно на меня посмотрел, я же невинно улыбнулась и повернулась к гостям, которые подошли поздороваться.

Прошло примерно около часа. За это время моя улыбка уже достигла такого совершенства, что появлялась сама собой, стоило мне произнести:

— Добрый вечер! Я безумно рада видеть вас в Мортенхэйме.

Наконец все гости собрались. До первого танца оставался еще небольшой запас времени, поэтому я нашла Амалию, которая стояла у распахнутого настежь окна в дальнем конце зала.

— Не холодно? — поинтересовалась я, приблизившись.

— Что? — Девушка вынырнула из своих мыслей. — Ох нет, разумеется, нет. Это разве холода, леди Лавиния? В Вайд-Хилл такое ближе к концу весны.

— У вас настолько холодно?

Я знала, что Вайд-Хилл расположен на севере, но мне казалось странным, что где-то почти не бывает весны.

— Насколько холодно — это еще мягко сказано, — рассмеялась Амалия. — Кстати, насчет бальной книжки вы оказались правы! Смотрите!

И она показала мне записи, где почти все танцы были расписаны.

— Леди Лавиния.

У говорящего был низкий голос, такой текучий и мелодичный, как если бы кто-то смешал звучание фортепиано и флейты и добавил туда мужской силы.

— Даже не сомневалась, — сказала я Амалии, к которой уже приблизился первый пригласивший.

Равно как не сомневалась в том, что Винсент обязательно кого-нибудь пришлет, чтобы меня пригласили.

— Милорд? — Я обернулась как раз в тот момент, когда объявили вальс.

— Позвольте ваш первый танец.

А вот о том, что он окажется настолько красивым, я не догадывалась. С некоторых пор мужская красота меня не трогала, но один-единственный взгляд в глаза, странным образом показавшиеся мне сначала похожими на ночное небо, а потом сменившие цвет на свинцово-серый, заставил меня замереть. Сама не зная почему, я вложила руку в ладонь темноволосого мужчины, которого видела впервые.

Вздрогнула, когда его затянутые в перчатку пальцы легли мне на талию.

А в следующий миг мы уже шагнули в вальс.

По этикету именинница (и хозяйка бала) могла танцевать без предварительной записи, и это неудивительно, поскольку нам нужно было принимать гостей. Тем не менее это не означало, что я могу танцевать с мужчиной, которому не представлена. А если быть точной, с незнакомцем, имя которого мне неизвестно, но прежде чем я успела открыть рот, он чуть сильнее сжал мою руку и прошептал:

— Вы прекрасны, моя королева.

Это еще что за вольности?

— Простите?..

— Зовите меня Льер.

Ведет он уверенно, столь же уверенно, как Винсент (а я знаю, и мне есть с чем сравнивать). Сейчас, когда вальс уже подхватил все пары, зал почему-то плывет перед глазами, а я, или, правильнее будет сказать, моя магия отзывается на это кружение самым невероятным образом. Она словно поднимается во мне от самых кончиков пальцев, стремясь собраться в груди, чтобы хлынуть через меня в мир.

Ладонь под перчаткой разогревается, а талия, которой касается рука мужчины, начинает гореть.

— Мне кажется или вы пытаетесь меня очаровать? — интересуюсь я.

Это единственные достойные слова, которые сейчас складываются в более или менее связный вопрос.

— Вам не кажется. — Он улыбается, и цветы, обвивающие арку, перетекают следом за нами по потолку.

Все что мне сейчас приходит в голову: кажется, я переволновалась.

Да, можно десять раз уверять себя, что ты спокойна, но, когда в сердце разлад, ничего хорошего из этого не выходит. Я не спала всю ночь, а днем прилегла на пару часов, я хотела отменить этот праздник несколько раз, даже сегодня, после обеда, но об этом никто не узнает. Потому что Луизе и Винсенту хватает своих проблем, и моя совершенно точно будет лишней. Потому что если я позволю себе думать о Майкле и о разводе, я просто сорвусь.

А мне нельзя срываться, потому что я леди.

И потому что я слишком хорошо воспитана.

Да, и сейчас хорошо воспитанная леди танцует с незнакомцем.

— Мы не имели чести быть представленными.

— Я назвал вам свое имя. Там, откуда я родом, этого более чем достаточно.

Голова кружится все сильнее, и я стараюсь не смотреть на потолок.

Потому что боюсь, что цветы, под которыми мы начали танец, снова окажутся у меня над головой, и потому что мне совсем не хочется это проверять. Пусть это останется просто частичкой усталости, о которой я больше никогда не вспомню.

— Откуда вы родом? — интересуюсь я.

И в этот момент танец заканчивается.

Он заканчивается так резко, как если бы время стянулось в одну крохотную точку, миг, — но такого же не может быть?

— До скорой встречи, моя королева. — Мужчина целует мои пальцы, и от одного его взгляда по телу прокатывается жаркая волна.

— Кто вы?! — почему-то шепчу я, но он просто отпускает мою руку и растворяется в толпе.

Зал слегка плывет, я вглядываюсь в пестрые цвета, обтекающие меня широкой рекой, но понимаю, что его уже нет. Ни слева, ни справа, ни впереди. Я никогда не жаловалась на зре-

ние, но сейчас не могу разглядеть его в толпе. Перед глазами до сих пор его лицо — алебастровая кожа, подчеркнутые темной каймой нижние веки и шелк длинных волос, стекающих по фраку на спину.

Мне хочется найти брата и задать ему вопросы: кто этот мужчина и почему нельзя было представить нас заранее. Закусив губу, оглядываюсь, но Винсент приближается первым. Гневно сверкая глазами, интересуется:

— Позвольте узнать, леди Лавиния, с кем вы только что танцевали?!

3

— Нет, Винсент, это совершенно не похоже на то, что я чувствовала тогда.

Я повторяла эту фразу, должно быть, в сотый раз, но своего упрямого брата, кажется, так и не убедила. И не только его: взволнованное лицо Луизы то и дело выныривало из-за широкой герцогской спины, хотя эта женщина (я знаю наверняка!) всегда была столпом спокойствия в нашей семье. Если что-то случалось, она умудрялась свести грозу на нет еще до первых молний, а к моменту, когда должен был пролиться дождь, на небе уже не оставалось ни тучки.

Только не сегодня.

— Значит, еще раз...

— Винсент, пожалуйста, хватит! — взмолилась я. — Я же вам уже сто раз все рассказывала. И целитель обследовал меня от макушки до пяток, но не нашел ни единого следа магического вмешательства и чужой ауры.

Готовый возразить брат осекся, и я, воспользовавшись паузой, быстренько продолжила:

— Вы же сами понимаете, что, если бы это было нечто подобное, вряд ли бы мы с вами сейчас разговаривали.

— Тогда кто этот мужчина?!

Не имею ни малейшего понятия. И если честно, не имею ни малейшего понятия, почему рядом с ним я так странно себя вела. Стоило ему исчезнуть, как головокружение прекратилось, мысли снова стали связными, а цветы перестали ползать по потолку. И на том спасибо.

— Это уже точно не мне выяснять.

Праздник, который в срочном порядке не свернули только усилиями Луизы, продолжался до сих пор. Я же просто «удалилась к себе, потому что устала», и в сложившихся обстоятельствах никто такому повороту событий не удивился. Прежде чем брат устроил расследование, мы с ним еще успели прогуляться по залу за милой беседой, и я услышала парочку комплиментов: «Так и будет всю жизнь молодиться» и «Виконт Эрден полностью уничтожен, а ей хоть бы что».

Ну да, мне хоть бы что, разумеется.

Винсент сцепил пальцы, но тут же их расцепил. Коснулся стоявшей на прикроватной тумбочке воды, а затем моих висков, вычерчивая легкие узоры.

Мне даже не нужно было спрашивать, что он делает: магическая проверка армалов на предмет вмешательства в разум. Честно говоря, я его понимала — когда я была совсем юной, один мерзопакостный маг воспользовался почти утраченными знаниями мааджари (тоже древней расы, но куда более гадкой, нежели армалы), после чего использовал внушение, чтобы заставить меня вынести кровь Винсента из семейного хранилища и подставить брата с помощью темного проклятия.

После того вмешательства я отходила очень и очень долго, головные боли меня мучили несколько лет, а прекратились, подозреваю, исключительно благодаря силе моей магии. Внушение графа Аддингтона оказалось очень глубоким, ему нужно было заставить меня не только вынести кровь, но и забыть обо всем. Тем, что я не сошла с ума, как один пострадавший от его заклинаний бедняга, я тоже обязана своей магии.

— Хм...

— Убедились? — спросила я, сложив руки на груди. — Не тошнит, голова не болит, мушки в глазах не мелькают. Бабочки, кстати, тоже.

— Бабочки?

— Это была попытка пошутить.

Винсент нахмурился, но тут мне на помощь пришла Луиза.

— Послушайте, ваша светлость, — с некоторых пор она обращалась к нему именно так, подчеркнуто вежливо, — возможно, Лавиния права и ничего страшного не...

— Произошло! — весело заметила я.

Потому что мой брат открыл рот, и сделал это с таким выражением лица, что я поняла: следующее его слово похоронит

мою надежду на их примирение навеки. И даже Тереза не сможет ее поднять.

— Словом, Винсент, вам остается только найти этого мужчину и расспросить, — подытожила я.

— Если бы это было так легко, — буркнул брат.

Действительно, если бы. Я полагала, что мужчина, особенно с такой яркой внешностью, просто не может остаться незамеченным, но если его и вспоминали, то вскользь. Он вышел из бального зала, и все, растворился в пространстве, а такое в принципе невозможно. Мортенхэйм окутан сетью заклинаний, не позволяющих открывать порталы даже тем, кто это умеет.

Хотя в мире не так много магов, которые это умеют. Мой сильнейший брат, например, не умеет. Потому что, чтобы открыть портал, необходимо использовать магию искажений и заклинания мааджари, а их в открытом доступе не найти.

— Начиная с этого дня вы не будете выходить из комнаты без охраны.

Приплыли!

— То есть мне всюду ходить с помощниками лорда Фрая?

Лорд Альберт Фрай — та еще мерзость, хотя ему по рангу положено быть изворотливым гадом. Когда ты стоишь во главе разведки, особо на принципах не зацikliшься. Тем не менее я больше чем уверена, что это он убедил брата сделать то, что рассорило его с Луизой.

— Да.

— И в туалетную?

— Леди Лавиния! — взревел брат.

— Винсент! — взревела я. — Я только что вырвалась из супружеского дома и не собираюсь снова очутиться в тюрьме. Не могу же я постоянно ходить с охраной только потому, что...

— Вам напомнить, к чему привело ваше «не могу»?

От жесткого укора в горле подозрительно засадило.

— Винсент! — резко произнесла Луиза.

— Все нормально, — пожала плечами я.

В другой раз порадовалась бы, что он ее устами наконец-то «Винсент», но сейчас на меня снова надвинулись воспоминания о произошедшем. Я кивнула:

— Хорошо. Пусть будет охрана.

— Замечательно. Я перекрою ваши комнаты сигнальными заклинаниями, и вы постоянно будете носить это. — Винсент

стянул с пальца кольцо-печатку с гербом нашей семьи. — Если вдруг вас попытаются похитить...

— Винсент, — повторила Луиза уже мягче, — не думаю, что Лавинии сейчас именно это хочется услышать.

— Честно говоря, мне хочется спать, — сказала я, принимая перстень, все еще хранящий тепло брата. — За дверями моей комнаты столько охраны, что я искренне не завидую тому, кто попытается меня похитить.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я осталась? — Луиза взглядела в мое лицо.

— Уверена, — ответила я. — Мне правда очень хочется спать, а смотреть на сопящую меня — удовольствие ниже среднего.

Луиза улыбнулась.

— Откуда вы знаете? Вы же спите. — Она легко обняла меня и коснулась губами щеки. — Увидимся завтра утром.

— До завтра. — Я коротко обняла ее в ответ.

Мы дождались, пока Винсент оплетет комнату сигнальными заклинаниями, которые сразу же позволят ему узнать, если внутри окажется посторонний. Под моими окнами выставили охрану, за моими дверями тоже, поэтому стоило брату с женой выйти, я приглушила свет лампы и завернулась в покрывало.

Как бы мне хотелось просто заснуть, но «просто» не засыпалось. Мой брат всегда отличался подозрительностью, но после того как призрак, а точнее, преобразованный из потусторонней материи в очень опасное существо граф Аддингтон (тот самый, что управлял мной с помощью внушения), вселился в меня, чтобы заполучить тело одного из сильнейших магов современности, я даже не могла упрекнуть Винсента за все примененные ко мне меры. В тот вечер мы поругались с Майклом, и я захотела остаться одна. Просто бродила по Мортенхэйму, когда почувствовала холод.

А в себя пришла уже в постели, без сил.

Мне даже правду рассказали не сразу, целитель требовал не беспокоить, пока не поправлюсь. Воспользовавшись мной и моей магией, Аддингтон почти убил девушку, которая вообще была ни в чем не виновата, напал на случайно оказавшегося рядом Майкла, и...

Когда я пришла в себя, Майкла не было рядом.

Его вообще не оказалось в Мортенхэйме: Луиза не прятала глаз, когда сообщила, что «виконт Эрдэн уехал по срочному делу», но в ее звонком голосе дребезжал гнев.

Наверное, точкой в нашем браке стала именно эта минута. Не та, когда Майкл, запинаясь, сообщил мне о своей мужской немощи. Не та, когда спустя несколько лет я поняла, зачем он на мне женился: надеялся, что моя сила воскресит его мужское... гм, достоинство. И даже не та, когда он начал исподтишка оказывать внимание другим женщинам.

Я повернулась на другой бок и уставилась в окно: снег все еще шел. Хлопья были настолько крупные, что даже издалека их было видно. Хотя, возможно, все дело было в моем зрении — я всегда видела очень хорошо. Могла читать и писать, даже когда темно (чем успешно пользовалась, чтобы обмануть матушку), и на мои глаза это никак не влияло.

Матушка.

Наверное, она бы нашла нужные слова, чтобы заставить меня забыть о случившемся, но ее больше не было. Не было ее наставлений и нравоучений (Леди Лавиния, держите спину прямо! Или: леди Лавиния, немедленно сбавьте тон, вы говорите не как подобает леди), и таких теплых, ласковых рук.

Несмотря на всю нелюбовь к магии, которой она запрещала мне заниматься, меня она любила. Пожалуй, так отчаянно, как никого из нас — Винсент с детства был от нее далек, Терезу отец тоже воспитывал сам из-за ее опасной магии. Он не подпускал мать к сестре до тех пор, пока был жив, наверное, именно поэтому она отдавала всю любовь и тепло мне.

Поэтому...

Мне повезло с материнской любовью, а Терезе — с любовью Анри.

Все справедливо.

Я снова повернулась на другой бок, стараясь отогнать непрошеную тоску, в том числе и обиду на сестру за то, что не смогла приехать на мое рождение.

— Раскиснете, леди Лавиния, и станете как студень, — прошептала ядовито. — На радость всем тем, кто сегодня шептался про «молодиться».

Последнее возымело силу: я на себя разозлилась. В конце концов, у Терезы, жены графа и второго лица после его величества короля Вэлей, одной из ведущих держав, могут быть

дела поважнее, чем балы. Сестра с мужем прислали подарок, который я так и не открыла, и...

Все, хватит об этом!

Сredito замотавшись в покрывало, я снова повернулась на другой бок.

Чтобы увидеть, как пространство идет легкой рябью, словно по комнате пустили волну, из которой на берег... то есть в комнату шагнул тот самый мужчина.

4

Я схватила графин и швырнула в невесть каким образом оказавшегося в моей спальне типа. Мужчина увернулся текучим, плавным движением, а графин ударился об пол и разлетелся осколками. С таким грохотом, что даже если бы сигнальные заклинания, которыми Винсент наспиговал комнату, не сработали, на него сбежалась бы половина Мортенхэйма.

Ведь сбежалась бы, правда?

Мужчина шагнул ко мне, и я отпрянула, но вопреки моим представлениям дверь не распахнулась и в нее не влетели охранники из ведомства лорда Фрая. Осознание этого обрушилось на меня в ту же минуту, что и мысли об отсутствии цветов в моей спальне. Я даже не могла защититься! Сама.

— Леди Лавиния...

Шмяк!

В мужчину полетела подушка, и я вскочила, подхватив тяжеленную бронзовую лампу с абажуром. Кто сказал, что леди не умеют защищаться?! Умеют!

В подчеркнутых каймой глазах сверкнуло раздражение, но я уже замахнулась и открыла рот, готовясь кричать, когда лампа выскользнула из моих рук. Мягко, утратив форму, стекла по ладоням и подолу сорочки, чтобы впитаться в ковер. Широко распахнутыми глазами я смотрела на то место, где только что была лужа, то есть лампа, то есть лампа, которая только что была лужей, и это мне дорого обошлось.

Как несколько разделяющих нас футов стянулись в одну точку, я не поняла, но успела почувствовать легкое движение, словно кто-то приоткрыл окно в лето, выпуская из него легкий, освежающий ветерок. В следующий миг ладонь мужчины легла мне на талию, а губы накрыли мои губы, и мир утратил ре-

льность. Казалось, что в нем не осталось никого и ничего, кроме нас, кроме полыхающего глубокого поцелуя, от которого по телу волной прокатился жар.

Это было неправильно, и я рванулась, но тщетно. Ладонь лишь сильнее вдавила меня в каменную грудь под мундиром (странным, иссиня-черного цвета, с нашивками, которых мне до этой минуты не доводилось видеть), и в меня ударила волна дикого, сумасшедшего, иссушающе-огненного желания. Не осталось никого и ничего, кроме губ, раскрывающих мои губы, кроме руки, вжимающей меня в мужское тело, кроме нас двоих.

Застонав, я подалась вперед, чтобы удержать это прикосновение, и мужчина рывком отстранился, судя по интонациям выругавшись.

Хотя я не поняла ни слова.

— Нам пора, моя королева, — произнес он, легко коснувшись пальцами моей щеки. От этого прикосновения тело пронзила томительно-сладкая судорога, а мужчина уже подхватил покрывало, заворачивая меня в него.

Что он вообще делает?

— Куда? — Я смотрела на его губы не отрываясь, отчаянно сопротивляясь дикому желанию податься вперед, сокращая расстояние между нами. Впитаться поцелуем в этот красивый рот и...

— Это не важно. Вы должны пойти со мной. Вы согласны? — Черты лица мужчины заострились, или мне это просто показалось.

Согласна ли я? Я согласна.

— Да, — хрипло прошептала я, вложив ладонь в его руку.

— Леди Лавиния, я услышала шум и...

Изумленное лицо застывшей напротив нас Амалии заставило меня вздрогнуть.

— Что вы делаете? — хрипло спросила я, глядя в меняющие цвет глаза. — Кто вы?

Сознание то уплывало, то выталкивало меня на поверхность, я чувствовала себя легонькой словно перышко, а в следующее мгновение ноги будто налились свинцом. Мужчина плотно сжал губы, а потом вскинул руку, протягивая ее готовящейся закричать девушке. Амалия расслабилась и улыбнулась, шагнув к нам.

— Ты пойдешь с нами, девочка?

— Да, — прошептала она, и мир подернулся дымкой.

Как во сне я смотрела на расступающиеся границы: моя спальня расплывалась перед глазами, словно ее стирала невидимая рука, вздумавшая играть миром, как художник красками. Очертания кровати, балдахина, окон и падающего снега становились все прозрачнее, и на краю сознания мелькнула мысль, что здесь уже должна быть целая армия во главе с моим братом, но ее нет.

Почему ее нет?

Головокружение усилилось, к нему добавился странный шум в ушах.

Пол под ногами утратил твердость, а потом снова ее обрел, и в этот момент на меня обрушились запахи, звуки, цвета. Столько самых разных цветов, как если бы меня закружили на балу в вихре бесчисленных платьев, и то это было очень слабое сравнение. В груди взорвалось крохотное солнце, сила затрепетала на кончиках пальцев, и все вокруг отзывалось на меня и на нее, на магию жизни. Ощущение затопившей меня безграничной радости, счастья и света было настолько сильным, что я на миг потерялась в этом магическом калейдоскопе, а потом...

Потом пришел холод.

Он вливался в меня отовсюду, обрушился подобно сбивающей с ног волне, чтобы выбить из тела частички светлой магии, принося с собой выжигающую тело боль.

Я закричала, падая вниз, но упасть мне не позволили: мужчина меня подхватил, широким шагом пересекая комнату, которая расплывалась как размытый дождем пейзаж.

— Сейчас станет легче, — пообещал он, укладывая меня на постель и касаясь моего лба ладонью.

Действительно стало легче: из меня словно вытянули весь холод и боль, но вместе с ними ушли и все силы. Лицо склонявшегося надо мной мужчины — волевое, резкое — отдалялось, и я закрыла глаза.

После случившегося мне неоднократно снились кошмары. Ночи, когда я просыпалась в холодном поту от снов, в которых Аддингтон моими руками творил все новые и новые преступления, стали для меня чем-то привычным, поэтому новому сну я совсем не удивилась. Особенно после разговора с Винсентом: он раздул из одного странного танца такое, что я со-

вершенно не представляла, как мне могло присниться что-то еще. Возможно, этот мужчина просто приехал с кем-то из гостей (кузен, дальний родственник, решивший навестить без предупреждения, которого невежливо было оставить одного) и сбежал с нашего скучного бала куда подальше.

Тереза, например, сбегала, и не раз.

А мы раздули из этого целую детективную историю. Точнее, Винсент раздул.

Улыбнувшись собственным мыслям и представляя лицо брата, когда скажу ему об этом за завтраком, я открыла глаза и тут же их закрыла.

Открыла.

Закрыла снова.

Это совершенно точно была не моя комната, и уж тем более она не была ничем из того, что когда-то мне казалось известным. Потолок, возвышавшийся надо мной, должно быть, футов на пятнадцать, не меньше, был увит цветами. Точнее, оплетен ими, как одна из западных стен Мортенхэйма выюном. Если бы выюн мог произвольно собираться в узоры и цветовые композиции, которые постоянно менялись.

Еще более странным было то, что от цветов не было запаха, а постель, на которой я спала, была усеяна лепестками.

— Всевидящий, — сказала я, резко садясь.

Честно говоря, погорячилась, потому что перина подо мной была невыносимо мягкой, и я в нее просто провалилась, кувыркнувшись обратно. В следующий раз я вставала уже осторожнее: подползла к краю, спустила ноги и ступила... в траву. Густая трава, ковром раскинувшаяся на полу, напоминала гордость нашего садовника в парке Мортенхэйма.

Подавив желание с визгом забраться обратно, я все-таки поднялась.

К счастью, стены были всего лишь стенами, а окна — всего лишь окнами: огромные, арочные, напрочь лишенные стекол, они выходили на...

— Всевидящий! — повторила я, отшатнувшись.

Мне еще не доводилось смотреть вниз с такой высоты, с высоты тянущегося к небу замка, который больше напоминал каменную башню. Бушующее поодаль море казалось расстеленным покрывалом, которое кто-то грубо надорвал в нескольких местах, оставив бахрому волн. Молнии, пронизыва-

ющие небо и землю, били с такой силой, словно хотели пронзить ее насквозь.

Нет.

Нет, нет, нет. Это не может быть правдой, этого просто не может быть, это же...

— Аэльвэйн Лавиния.

Тихий женский голос ударил как раскат грома. Только сейчас я поняла, что странного в этой дикой, пугающей грозе: никаких раскатов грома не было. Небо беззвучно исторгало молнии, и земля поглощала их столь же беззвучно.

Вздрогнув, я обернулась, оказавшись лицом к лицу с женщиной. Длинные светлые волосы перехвачены лентами, наряд чем-то напоминал наряды женщин Загорья — соседствующего с нашей страной на севере государства: прямое нижнее платье с расклешенными рукавами, остроносые туфельки без каблуков. Глаза вошедшей были подчеркнуты краской, что в Энгерии позволяли себе только женщины, желающие привлечь внимание мужчин с определенной целью.

— Меня зовут Эйзер. Я помогу вам освоиться.

— Освоиться где? — На «освоиться» мой голос предательски сел, на «где» вознесся до октав, которые я еще никогда не брала.

— В Аурихэйме.

Я сошла с ума? Или все-таки сплю?

Аурихэйм — легендарный мир элленари. Не менее легендарных созданий, о которых я в детстве слышала очень много историй, но это же... всего лишь сказки!

Пока я пыталась сопоставить услышанное, увиденное и прочувствованное, Эйзер неслышно шагнула в комнату. Взмахнула рукой, и, подчиняясь легкому порыву магии, следом за ней влетело платье, похожее на то, что было на ней.

— Вам нужно одеться...

— Нет. Мне нужно домой! — Я, никогда в жизни ни на кого не повысившая голоса, почти кричала.

— Вы не можете попасть домой без разрешения вашего мужа. Прошу прощения, вашего будущего мужа. — Эйзер поклонилась так низко, что чудом не подмела волосами траву.

Если существует еще большее потрясение, я его только что испытала.

— Кого? — уточнила, глядя в глаза выпрямившейся женщины.

Определить, сколько ей лет, не представлялось возможным. Она могла быть моей ровесницей, могла быть моложе, могла быть старше, и все это одновременно отражалось на ее лице. Возраст — в глазах, юность — на лице.

— Вашего будущего мужа. Простите, но мне надо помочь вам одеться.

Она словно не замечала того, что со мной творится, или не хотела замечать.

— Вы сошли с ума? — тихо спросила я. — Я не собираюсь замуж.

И никогда больше не соберусь!

— Это не так. — Она снова взмахнула рукой, и по ближайшему окну прошла легкая рябь.

Рассеявшись, она принесла за собой свежий ветерок, надо отдать должное, очень вовремя: я как никогда была близка к тому, чтобы позорно упасть в обморок.

— Вам оказана большая честь, аэльвэйн Лавиния. Вы станете супругой нашего повелителя.

О да. Несомненно. Десять раз.

— Я не собираюсь никем становиться, — резко заметила я. — И если вы сейчас же...

— Если вы сейчас же не перестанете пререкаться, представите перед ним в таком виде. Повелитель не любит ждать.

Я открыла было рот, чтобы сообщить, что я не люблю, когда меня посреди ночи вытаскивают из постели и затягивают непонятно куда, но тут же его закрыла. Хотя бы потому, что, несмотря на довольно снисходительный вид, Эйзер явно здесь ничего не решает. Судя по тому, что в мужья мне заявлен загадочный повелитель, разговаривать надо с ним.

Справедливо рассудив, что на равных с повелителями лучше общаться одетой, чем в тонкой сорочке, глубоко вздохнула и устроилась на стуле. К моему безумному (и это не фигура речи) счастью, самом обыкновенном стуле перед самым обыкновенным зеркалом, ничем не отличающимся от тех, к которым я привыкла.

Разум подсказывал, что Эйзер не лжет. Не лжет, потому что в Мортенхэйме, да и во всем нашем мире, не бывает грозы без грома. В нем нет сооружений такой высоты, а закрывают окна самыми обыкновенными стеклами, без заклинаний.

Приблизившаяся ко мне женщина легко коснулась моих волос, и они мгновенно приобрели такой вид, словно я или Элизабет расчесывали их по меньшей мере час.

— Как вы...

— Магия Аурихэйма неподвластна смертным. — Это прозвучало свысока.

— Тем не менее я невеста вашего повелителя, — хмыкнула я, осадив ее на полном ходу. — Отвечайте.

Ноздри ее шевельнулись, тем не менее Эйзер произнесла:

— Это заклинание, основанное на плетениях стихийной магии. Если повелитель прикажет, я разберу его для вас.

Она снова шевельнула пальцами, и на моих глазах волосы потянулись в укладку, завиваясь локонами и обрамляя лицо, сплетаясь с помощью падающих с потолка цветов прочнее, чем с помощью шпилек. Я наблюдала за диковинной магией, подчиняющей мои непокорные пряди.

Мне нужно понимать, во что я ввязалась, как можно лучше. Что-то мне подсказывает, что разговор с их повелителем простым не будет. Учитывая, что даже Эйзер сказала «магия Аурихэйма неподвластна смертным», глядя на меня сверху вниз.

— Ты можешь сделать любую прическу? — спросила я, и она замерла.

Впрочем, тут же продолжила свое занятие.

— Я делаю то, что могу сделать быстро. Мои работы ничто по сравнению с работами магистра красоты.

Магистр красоты. Ну да, разумеется.

— Зачем я нужна вашему повелителю? У вас что, желающих за него выйти нет?

Эйзер зашевелила пальцами с такой скоростью, что я с трудом улавливала их движение.

— Это не мое дело.

И не мое тоже. Тем не менее я здесь!

— Отвечайте! — приказала резко.

— Не имею права.

— Отвечайте или...

— Я не могу говорить с вами на эту тему, аэльвэйн Лавиния. Попытка обмолвиться об этом хотя бы словом меня убьет.

Что?! Убьет?! Это шутка такая?

Пока я приходила в себя, женщина закончила с прической и заставила платье скользнуть к нам. Глядя, как ко мне по воз-

духу плывет наряд, я снова почувствовала себя донельзя странно. Нет, наверное, еще пару сотен лет назад в нашем мире такое было в порядке вещей, бытовой магией пользовались все, но с тех пор, как она начала ослабевать, все делали по старинке. То есть если что-то требовалось надеть, камеристки или компаньонки брали вещь руками и...

Компаньонки!

Я вдруг отчетливо вспомнила, что помимо утащившего меня странного типа в моем сне, который вовсе не сон, была еще Амалия.

— Где Амалия? Девушка, что была со мной?

— Об этом вы можете спросить повелителя.

Да чтоб он был десять раз неладен и еще раз десять наступил в ночную вазу!

Эйзер снова зашептала что-то, и сорочка на мне... растворилась, растаяла дымкой, заставив мои глаза округлиться. Впрочем, ее место тут же заняло платье, которое село как влитое по фигуре, оттеняя мою кожу и волосы солнечно-теплым цветом. Не будь я в таком состоянии, наверняка застыла бы у зеркала, но сейчас мне было не до самолюбования.

— Зовите своего повелителя, — заявила я, сложив руки на груди.

— Он придет, когда сочтет нужным.

Впрочем, Эйзер даже договорить не успела, двери распахнулись, явив моему взору мужчину с таким высокомерным выражением лица, что про него все сразу стало понятно.

Повелитель.

5

Эйзер низко поклонилась, а потом бесшумной тенью скользнула к дверям, оставив нас наедине. Меня изучали с тем же интересом, с которым могли изучать лошадь: прошлись взглядом по лицу, по груди и ниже — видимо оценивая рост. Хорошо хоть зубы не попросили показать, и на том спасибо.

Будь мне лет семнадцать, я бы смутилась, но сейчас сложила руки на груди и решила тоже оценить. Посмотреть там, честно говоря, было на что: широкоплечий, больше шести футов ростом. Мой брат, который тоже был достаточно высоким, уступал ему по меньшей мере на голову. Что касается осталь-

ного — лицо волевое, над бровями резкая роспись узора, взгляд жесткий и темный. Но самым ярким в его внешности были волосы — огненно-красные, как закатное солнце или как раскаленный металл. Пожалуй, последнее сравнение подходило ему гораздо больше.

Раскаленный металл.

От него веяло силой и властью.

И самодурством: кому еще придет в голову притащить женщину непонятно куда вопреки ее воле. Прежде чем я успела задать этот вопрос, он уже шагнул ко мне и протянул обвинительную тонким выюном коробочку.

— Это ваше. Наденьте.

Потрясающее приветствие!

— А как же «Добро пожаловать в Аурихэйм, леди Лавиния»? «Безумно рад вас здесь видеть в качестве дорогой гостьи, поэтому искренне и от души вручаю вам этот дар»?

Повелитель слегка застыл: не то от того, что я сказала, не то от того, что до коробочки так и не дотронулась. Впрочем, судя по тому, что сказала Эйзер (уж что-то, а выводы из ее слов я сделала быстро), для него было непривычным уговаривать женщину что-то взять.

— Вас что-то смущает, аэльвэйн Лавиния?

— Леди, — поправила я.

Повелителя слегка перекосило.

— Леди Лавиния. Вас не устраивают ваши покои?

— Да! — воскликнула я. — Потому что меня вполне устраивали мои — до той минуты, как меня из них утащили. Признаюсь честно, не представляю, что вам от меня нужно...

— Эйзер вам не сказала?

Судя по его тону, по резко сошедшимся на переносице бровям и холоду, пробравшему меня до самых костей, я поняла, что нужно спасать Эйзера.

— Вы не так меня поняли. Я в полном недоумении по поводу того, что она мне сказала. — Я выделила интонацией слово «что», после чего внимательно посмотрела мужчине в глаза.

Зря я это сделала, потому что от прямого взгляда меня повело, и в комнате словно стало нечем дышать. Воздух сначала раскалился, потом обрушился на меня прохладой, из-за чего я на миг утратила способность мыслить связно. Перед глазами все поплыло, и, если бы меня не подхватили под локоть и не усадили на стул, оказалась бы у ног повелителя. Буквально.

— Возьмите, — повторил он, вложив мне в ладони коробочку.

На ощупь она была бархатной, а выюн под моими руками ожил и зашевелился.

— Зачем? Что это?

— Это поможет вам привыкнуть к нашему миру.

К нашему?!

— Мне нет никакой необходимости к нему привыкать. — Смотреть на него снизу вверх мне совершенно не понравилось, поэтому я поднялась. — Потому что я не собираюсь здесь оставаться и уж тем более не собираюсь становиться вашей женой! Как вы себе это представляете?!

— Очень просто. Нас обвенчает природа.

Он сейчас издевается?

— Я не выйду за вас, — отчеканила я, глядя ему в глаза.

— Выйдете, леди Лавиния. Потому что вы моя мьерхаартан.

Всевидящий, как он это выговорил-то?

— А мьер... простите, я не сильна в вашем языке — это кто?

— Вторая суть.

Я моргнула.

Все случившееся просто не укладывалось у меня в голове, и если бы я ранее не пережила вмешательство в разум и подселение злобного призрака в мое тело, то решила бы, что просто схожу с ума. Или уже сошла: все-таки развод дался мне тяжелее, чем я себе представляла, вот и мерещатся всякие мьертартаны и повелители.

— Я не могу быть вашей второй сутью! — попыталась еще раз воззвать к голосу разума.

Все-таки судя по тому, как он вел диалог, разум там есть, и немаленький. Да и сомневаюсь я, что в повелители Аурихэйма выбрали бы того, кто с головой не дружит.

— Дайте руку, леди Лавиния.

— Что? Зачем?

— Дайте руку.

Властные нотки в его голосе заставили подчиниться: не столько потому, что я этого хотела (чтобы он лично взял меня за руку и убедился в том, что я не мьер... чего-то там), сколько потому, что во мне что-то заставило ее вскинуть и вложить в сильную широкую ладонь.

От прикосновения в пальцы ударили искры, а в следующий миг вокруг наших запястий вспыхнула изумрудная нить. Оплетая наши руки браслетом, легла нам на кожу и поползла по предплечью и выше, раскрываясь листьями, как растущий стебелек. Я смотрела на то, как под светлым нарядом на руке проявляется узор, отзываясь легким покалыванием и теплом. Вьюн дотянулся до моего плеча, скользнул листьями на шею и замер, мгновенно проникая под кожу.

— Вы... вы что сделали?! — ахнула я, разглядывая светящийся под кожей узор.

Меня смерили снисходительным, «повелительственным» взглядом, и в какой-то момент показалось, что ответа я не дождался, но он все-таки ответил:

— Взял то, что принадлежит мне по праву.

Лучше бы молчал, честное слово. Но даже если бы промолчал, я бы (по своим относительно нескромным познаниям в магии) поняла, что вот это вот на моей руке совершенно точно не рисунок для настроения. Особенно если учесть, что похожий вьюн, разве что более насыщенного, ближе к черному, чем к зеленому, цвета, уходил под плотный манжет по его руке. Даже ребенок мог сложить два и два и получить четыре, то есть что-то наподобие... наподобие брачных браслетов, которыми пользовались армалы.

— Вы сейчас понимаете, что вы сделали? — Кажется, мой словарный запас иссяк, но я уже была близка к тому состоянию, которая моя сестра называла «маэлонский синдром».

Как-то мы с Майклом гостили у людей, воспитавших Анри, фактически его вторых родителей, и по утрам в соседнем доме, отделенном от нашего только каналом, постоянно истошно вопила женщина. Маэлонцы — народ горячий, так говорил муж моей сестры, и вот сейчас я почувствовала совершенно недостойное сестры герцога желание. А именно — швырнуть в повелителя коробочкой, которую держала в руках, и орать так, чтобы у него заложило уши. Может, его хотя бы так проймет.

— Так будет лучше для вас, — заявил он. — Знак моей принадлежности, леди Лавиния, лучшая защита: никто не посмеет даже взглянуть в вашу сторону.

— Защита от кого?! — прошипела я.

— От тех, кто мог на вас посягнуть, пока вы не были моей невестой.

У-у-у!!!

— Я вам не невеста!

— Неужели? — Его пальцы скользнули по моему предплечью. — Этот знак говорит об обратном.

— Вы нанесли его, не спросив моего согласия!

— Не я, это сделала Изначальная.

Всевидящий, он бредит!

— Кто такая Изначальная?

— Изначальная — это суть всего живого и мертвого, это сердце Аурихэйма и мира, из которого вы пришли. Ее же называют природой. Но довольно, все вопросы вы сможете задать позже, сейчас нас ждут.

— Кто?!

— Один из моих главнокомандующих, которому было поручено вас привести, не справился с задачей своими силами. Он вас поцеловал, и за это будет жестоко наказан.

У меня повторно закончились слова, а брови поднялись сами собой. То есть тот мужчина, который привел меня, — его главнокомандующий? Нет, я была не против высказать ему все, что думаю, за то, что меня сюда приволок, но почему-то сейчас мне стало по-настоящему страшно. Может, из-за того, с какой непробиваемой физиономией этот тип говорил о наказании.

— Подождите, — сказала я. — То есть вы собираетесь его наказать за то, что он выполнил ваш приказ?

— За то, что посмел к вам прикоснуться.

— Но...

— Нас ждут.

— Вы сошли с ума, если думаете, что я с вами куда-то пойду. Тем более чтобы смотреть на экзекуцию! — выпалила я.

— Пойдете, — не меняясь в лице, произнес он. — Надевайте мой подарок.

В эту минуту я осознала, что взмокла ладонь, сжимающая коробочку. Разжав пальцы, я с силой швырнула ее о стену:

— Нет!

— Отлично. Значит, пойдете без него.

Один короткий взгляд, и моя рука снова ложится в его ладонь.

Чувствуя себя послушной куклой, я следую за ним, пытаюсь справиться с охватившей меня беспомощностью. На миг это ощущение становится далеким и незначительным, потом возвращается снова, отступает — накатывает, как волны на берег.

— Что со мной? — шепчу я, когда мы выходим в коридор.
— Это действие Аурихэйма, леди Лавиния. И моей силы. — Он смотрит на меня сверху вниз, тяжелый взгляд давит на плечи. — Я предлагал вам защиту, но вы отказались.

Защиту?

Так это была защита?! От чего? От чар? От воздействия, которое он может на меня оказать?

Голова снова начинает кружиться, особенно когда я смотрю на стены. Здесь, вне моих комнат, они напоминают черный мрамор, изрезанный кремовыми и белыми прожилками. Под ногами клубится черный туман, расступающийся и жмушийся к стенам, пропускающий нас. От тумана исходит странный, пугающий холод, и я вдруг понимаю, что он мне напоминает.

Силу моей сестры.

Некромагию.

Пол под туманом меняется, приходя в движение, смывая краски и возвращая их, когда туман отступает.

— Это...

— Смерть, — подтверждает он. — Вся изначальная магия рождена в Аурихэйме, леди Лавиния. В ваш мир она пришла с нами и по нашей воле, но вы, люди, даже не сумели ею достойно распорядиться.

Глаза его на миг чернеют, становясь страшными (Всевидающий, я ненавидела, когда Тереза так делала!), а потом возвращаются к привычному темному цвету. Могу поклясться, что он видит больше меня и что холод в этих коридорах соткан не только из тумана.

— Я не могу быть вашей второй сутью, — повторяю. — Вы олицетворяете то, что я никогда не смогу понять.

— Жизнь и смерть — единое целое. Смерть может стать жизнью, а жизнь — обратиться в смерть. Со временем вы все поймете.

Да не хочу я ничего понимать!

Мне хочется крикнуть это ему в лицо, но я не могу. Я вообще ничего не могу, кроме как ругать себя за то, что не взяла то, что в коробке. Возможно, его слова были ложью, но что-то мне подсказывает, что нет. Ему незачем лгать, потому что он здесь — абсолютная власть, существа, которые попадают на нас по дороге, не всегда напоминают людей даже отдаленно, но даже те, кто напоминает, склоняются перед ним, меня же царапают, как холодными когтями, взглядом. Теперь уже я не

сомневаюсь, что действительно в Аурихэйме и то, что всю жизнь считала сказками, сейчас оживает у меня на глазах. Еще, если верить легендам, элленари не лгут, и в том, что он — элленари, я теперь тоже не сомневаюсь.

— Мы можем вернуться? — спрашиваю я. Не хочу чувствовать себя куклой, не хочу чувствовать, как взгляды проходящих мимо вонзаются в меня ледяными шпагами. — Я надеюсь ваш подарок.

— Нет. Пусть это послужит вам уроком.

От того, как жестко и холодно звучат слова, становится нечем дышать.

— Ненавижу вас! — выдыхаю я.

— Вы из мира людей, — пренебрежительно говорит он. — Чувства — ваш удел.

— Что, правда? Разве вы не воюете? Не делите власть? Не убиваете друг друга?

Если верить легендам об элленари, их переделам власти могут позавидовать самые кровавые перевороты нашей истории.

— Разумеется.

— Тогда чем же вы лучше людей?

— Мы не прикрываемся чувствами.

Коридоры наконец-то заканчиваются, начинается лестница, по обе стороны от нее застыли мужчины в форме, на переходе еще стража, внизу тоже. Черный мрамор повсюду, разбавляет его только полотно — легенда создания мира, огромная «живая» картина, которая постоянно находится в движении. На ней тьма и свет сплетаются воедино, иссиня-черная дымка, цветное воплощение магии смерти, сливается с серебром жизни. От столкновения рождается огненный взрыв, и стихии раскрываются во всем своем многообразии. Пронизывая окружающую первородную тьму, змеится ядовитая зелень магии искажений (о последней я знаю ничтожно мало и только со слов Винсента, описавшего мне суть случившегося со мной). И наконец, растворяя все и сменяясь ослепительным золотом, клубится нечто похожее на солнечный свет. То, что в нашем мире называют антимагией, или даром хэандаме.

То, что способно лишить силы любого мага.

— Всевидящий, — выдыхаю я.

У меня чувство, что я стою у истоков всего, чем жила, но это чувство так же быстро проходит, потому что мы спускаемся в огромный холл и проходим через распахнутые двери во

внутренний двор. Он окружен уносящимися ввысь стенами, у которых собралась бесчисленная, необъятная толпа. Стоит нам выйти, как воцаряется абсолютная тишина. Кажется, что, если упадет перышко, я услышу.

Впрочем, это тоже становится не важным, потому что в центре двора, на каменном возвышении, стоит мужчина, который меня сюда привел.

Льер.

Из-за магии и чар я запомнила его смутно, зато сейчас видела очень отчетливо. Несмотря на подчиняющий морок, давящей силой превращающий меня в статую рядом с этим... статуином, всей кожей почувствовала, как его взгляд вонзился в меня. А глаза у него синие, насыщенные темной глубиной, которой отмечена ночь.

— Приветствуйте будущую королеву Аурихэйма!

По руке прокатился жар — эхом сильного, низкого голоса элленари — от запястья по предплечью и выше, обжигая. Мне не нужно было даже поворачиваться, чтобы увидеть, как иступленно полыхает зеленью новообретенный узор, но под оглушительный рев толпы, разномастной, не похожей своей тысячеликой сутью ни на что из того, что мне доводилось видеть ранее, я вряд ли смогла бы кого-то выделить.

— Я отпущу вас, леди Лавиния, — раздался справа от меня негромкий голос повелителя Аурихэйма. — Если обещаете вести себя хорошо.

— Что в вашем понятии — хорошо? — огрызнулась я и тут же добавила: — Обещаю.

Морок спал.

Я просто почувствовала, как рухнула тяжесть чужой воли и мир вокруг обрел более резкие грани. Острые зубцы башен, вспарывающих небо, свинец туч, исторгающих молнии. Отсюда они казались еще более далекими и нереальными, но это была реальность. Моя новая реальность, в которой мне предстояло существовать до тех пор, пока я не найду способ вернуться обратно.

Удивительно, но именно сейчас, когда чары меня больше не удерживали, все происходящее гораздо больше казалось сном. И то, как мы шли к установленным напротив каменного возвышения креслам. И то, как взгляды присутствующих накатывали волнами, то накрывая меня с головой, заставляя задыхаться от нехватки воздуха, то подбрасывая на поверхность.

— К магии Аурихэйма надо привыкнуть, — произнес он. — Жалеее о том, что отказались от моего подарка?

Да сдался мне ваш подарок!

— Нет, — заметила я. — Жалею о том, что здесь нет моего брата, чтобы размазать вас по земле!

Кажется, такого ответа он не ожидал, но королевской особи надо держать лицо, поэтому в кресло, ой, простите, на трон он опустился, раздувая ноздри.

— Осторожнее, леди Лавиния, — произнес негромко. — Вас я тоже могу наказать за дерзость.

— Не сомневаюсь.

Каменный трон, на который я опустилась, казался живым. Если так можно выразиться, потому что исходящий от него ледяной холод напоминал мне о сути магии сестры, такой же пугающей, как все, что связано со смертью. Клубящийся под нашими ногами туман замер, когда повелитель вскинул руку:

— Начинайте.

Отделившийся от толпы мужчина тоже был в темной форме. Такой же, которая запомнилась мне по первой встрече с Льером на балу. С той лишь разницей, что сейчас тот, с кем я танцевала, был обнажен по пояс, а длинные черные волосы трепал ветер. Только сейчас я увидела, что толпу отделяют от нас фигуры в форме, своеобразный живой кордон. Сила, клубившаяся между ними дымкой тьмы, не позволяла пересечь невидимую черту.

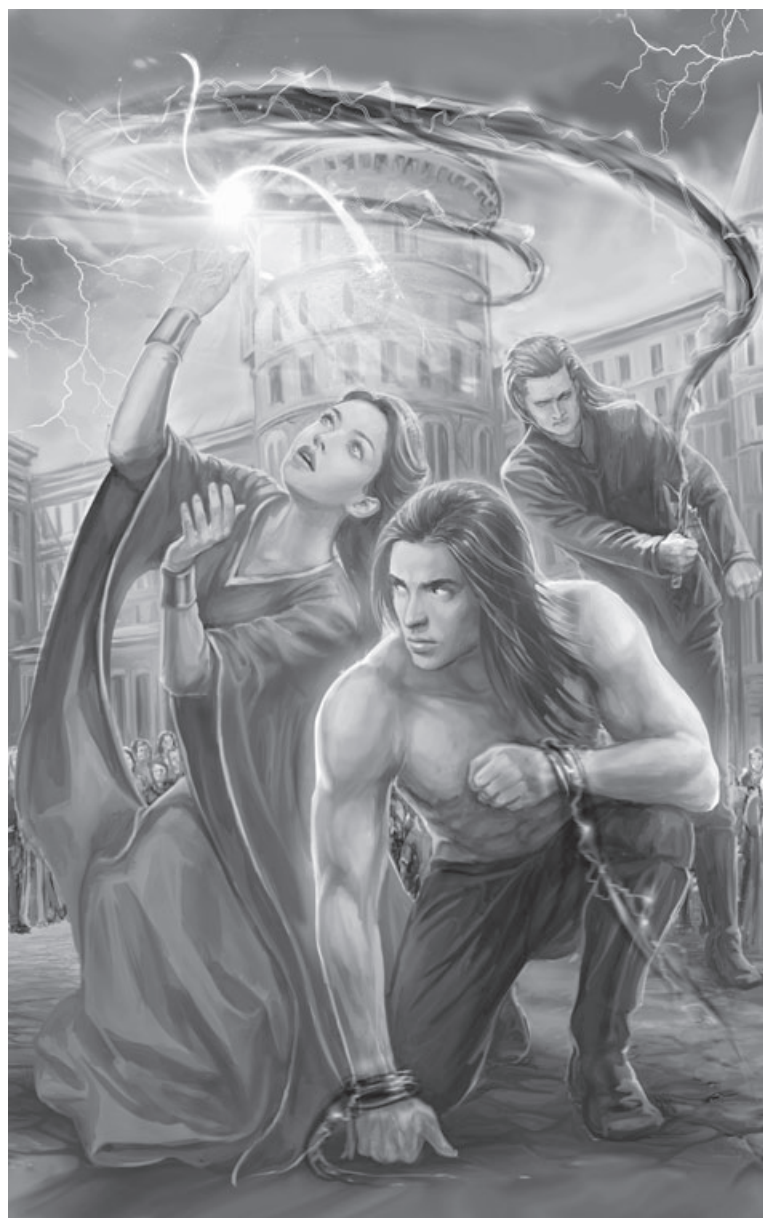
Подчиняясь взмаху руки шагнувшего вперед, прямо из камня ввысь взметнулись две темные плети, перехватившие запястья Льера, рывком заставив его опуститься на колени. Я ахнула и вскочила бы, если бы чужая воля не уронила меня обратно в кресло. Или правильнее будет сказать, не позволила подняться.

— Вы... вы что, собираетесь его убить? — выдохнула я, глядя, как кожа мужчины под нахлестами магии смерти превращается в тлен.

— Эллениари не так легко убить, леди Лавиния.

Я резко повернулась к сидящему рядом, но он по-прежнему смотрел на помост.

— Мгновенное восстановление не позволит ему умереть. А вот пережить самую страшную боль в своей жизни — вполне.

— Вы чудовище!

— Хорошо, что вы поняли это сразу.

Он едва шевельнул пальцами, и с ладоней ожидавшего приказа мужчины сорвались плети тьмы. В миг, когда они с шипением врезались в спину Льера, я отвернулась, до боли закусив губу, и в ту же минуту словно невидимая рука развернула мое лицо обратно.

— Моя королева не станет показывать слабость перед своими подданными, — последовал комментарий.

— Я не ваша королева.

— В самое ближайшее время вы ею станете, и любую вашу слабость обернут против вас.

— Лучше я буду слабой, чем стану похожей на вас.

— Не переживайте. На меня вы никогда не станете похожи.

Отвернуться мне не давали, толпа ревела как сумасшедшая, но даже она не перекрывала страшного шипения тьмы, вгрызающейся в плоть. Снова и снова.

Снова и снова.

Снова и снова.

— Он выполнял ваш приказ! — выдохнула я, давась словами. — Он ничего мне не сделал, остановите это. Вы же можете это остановить!

Понимая, что ничего не могу сделать, даже отвернуться, глотала бессильные слезы, глядя на то, как бесстрастное лицо Льера с каждым ударом все сильнее искажает судорога. В тот момент, когда его плечи вздрогнули под очередным ударом, что-то внутри меня взорвалось. По ощущениям — крохотное солнце или вроде того. Удерживающая меня сила показалась хрупкой, словно статуэтка лацианского стекла, и лопнула, как лишённые поддержки вековых стен цепи.

В одно мгновение, сама не понимая как, я оказалась рядом с проклятым камнем, закрывая мужчину собой. Успела увидеть перекошенное лицо палача, летящие в меня черные плети, а потом с моих рук сорвалась моя родная, живая магия. От столкновения жизни и смерти полыхнуло перед глазами, меня отбросило назад, как от взрыва. Последнее, что я почувствовала, — это как Льер меня подхватил. Последнее, что увидела, — это его лицо и тонкий узор на высокой скуле, поднимающийся на висок.

Потом померкли и свет, и тьма.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. НЕВЕСТА	9
Часть вторая. ПЛЕННИЦА	116
Часть третья. КОРОЛЕВА	235
<i>Эпилог</i>	405